

Издательский проект
Института «Русская перспектива»

Марк Блок

Феодальное общество

Москва

Т8

2014

УДК 93
ББК 63.3
Б70

Перевод с французского *М.Ю. Кожевниковой, Е.М. Лысенко*
Под редакцией *Н.С. Мавлевич*

Marc Bloch

La Société Féodale

Editions Albin Michel 1968, 1989

Блок М.

Б70 Феодальное общество / Марк Блок; [пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой, Е.М. Лысенко] — Подготовка макета Москва: Т8, 2014. — 504 с. — («Русская перспектива»)

ISBN 978-5-519-13113-1

Книга известного французского исследователя представляет концептуальный взгляд на исторические процессы, эволюцию сословий, анализ развития и структуры отношений собственности, историю права, актуальные для современного понимания общества в его развитии.

ISBN 978-5-519-13113-1

*Фердинанду Лоту с почтением
и величайшей признательностью.*

ВВЕДЕНИЕ

Общее направление исследования

Еще два века тому назад название книги «Феодальное общество» было бы воспринято читателем совсем по-иному, нежели сейчас, так как прилагательное «феодальный» имело другой смысл. В виде латинского варианта – *feodalis* – оно существовало еще во времена средневековья, в XVII веке появилось существительное «феодализм», но отнеслись оба эти слова к области права. Феод, как мы увидим, являлся определенной формой земельной собственности, и прилагательное «феодальный» означало «относящийся к феоду», тогда как «феодализм», по академическому словарю, означал либо «полномочия, даваемые фео-одом», либо повинности, связанные с ленной зависимостью. Словарь Ришле 1630 года дает пометку для этих слов: «юридические». Юридические, но никак не исторические. Так когда же начал расширяться смысл этих слов, позволив наконец обозначить ими целую культурно-историческую эпоху? Понятия «феодальный» и «феодализм» в качестве исторических понятий встречаются в «Письмах по истории парламента» графа Буленвилье (1), опубликованных в 1727 году, спустя пять лет после смерти автора. Достаточно добросовестно изучив материал, я не нашел такого употребления этих понятий в более ранних работах, хотя возможно, другому исследователю повезет больше. А пока, за неимением более исчерпывающей информации, мне хочется назвать творцом новой исторической периодизации именно Буленвилье – этого удивительного человека, предшественника Гобино (правда, менее усердного и более образованного), который, переводя Спинозу, дружил с Фенелоном, оставаясь при этом яростным апологетом аристократии, основателями которой считал германских племенных вождей. Да, речь идет о принципиально новой периодизации, и я хочу

подчеркнуть, что она стала одним из самых значительных переворотов в нашей исторической науке, так как империи, династии, эпохи, носящие имя какого-либо героя, иными словами, ораторский набор, традиционно присущий монархическим режимам, перестал членить исторический процесс, уступив место изучению общественных феноменов.

Однако право гражданства в языке дал этому понятию другой, более знаменитый писатель; Монтескье читал Буленвилье, словарь юристов его не смутил: почему бы литературному языку, пройдя через его руки, не обогатиться еще и трофеями, взятыми у судейских? Монтескье избегал слова «феодализм», очевидно, из-за его абстрактности, но зато именно он убедил просвещенную публику своего времени в том, что «феодальные законы» характеризуют определенный этап истории. Другие европейские языки позаимствовали от нас и это слово, и это понятие, одни в виде кальки, другие в виде перевода (немецкое *Lehnwesen*). Общепризнанным его сделала Революция, взбунтовавшись против уцелевших от средневековья учреждений, когда-то изучаемых Буленвилье. «Национальная ассамблея, – гласит знаменитый декрет 11 августа 1789, – окончательно уничтожила феодальный режим». Можно ли усомниться в реальности существования феодализма, если уничтожение его потребовало стольких усилий (2).

Судьба у слова оказалась счастливой, но само по себе оно было выбрано не слишком удачно, хотя причины, по которым было выбрано именно оно, понять несложно: современникам абсолютной монархии Буленвилье и Монтескье самой разительной особенностью средневековья казалась раздробленность власти, поделенной между мелкими князьками и даже деревенскими сеньорами. Им казалось, что словом «феодализм» они выражают именно эту особенность. Говоря о феоде, они имели в виду то земельный надел, то власть сеньора. Но на деле, власть сеньора не всегда была связана с феодом, и не все феоды становились княжествами или сеньориями. Впрочем, трудно предположить, что такой сложный общественный организм можно точно передать с помощью одного какого-либо понятия – политического или юридического, – взяв, например, «феод» как форму собственности. Хорошо еще, что слова сродни монетам: войдя в употребление, они стираются и утрачивают свой первоначальный смысл. В современном словоупотреблении «феодальный» и «феодализм» обозначают некое единство самых разнородных явлений, среди которых феодал отнюдь не первостепенное. Считая эти названия лишь этикетками на ящиках, содержимое которых предстоит определить, историк вправе пользоваться ими без малейших утыраний совести, как физик пользуется словом «атом», не чувствуя его греческой основы и прилагая все силы, чтобы его расщепить.

Еще вопрос: существовали ли в другие времена и в других странах общественные устройства, схожие в своих основных чертах с нашим западным феодализмом и, стало быть, заслуживающие того же названия? В нашем исследовании мы коснемся этой проблемы, но в целом исследование посвящено не ей. Оно посвящено тому самому феодализму, который и был впервые обозначен этим словом. Что касается времени, то мы сосредоточимся на эпохе с середины IX века до первых десятилетий XIII, только упомянув период возникновения и формирования новой исторической формации. В отношении пространства, речь пойдет о западной и центральной Европе. Хронология получит обоснование в ходе самого исследования, а географическое пространство сразу потребует небольшого комментария.

* * *

Античная цивилизация сформировалась вокруг Средиземного моря. «Мы, обитающие от Фасиса до Геракловых Столпов, занимаем лишь малую ее (земли) частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота...» – пишет Платон (3). И то же самое Средиземное море спустя несколько веков продолжало оставаться центром Римской империи, несмотря на ее многочисленные завоевания: сенатор из Аквитании, имея обширные поместья в Македонии, делал карьеру на берегах Босфора. Колебания цен потрясали экономику и на берегах Евфрата, и в Галлии. Существование имперского Рима без африканского зерна так же немислимо, как католицизм немислим без Августина Африканского. Бескрайние и враждебные территории варваров начинались за Рейном.

Но на рубеже того периода, который мы именуем Средними веками, два значительных перемещения человеческих масс нарушили установившееся равновесие, и контуры территориального созвездия изменились. Насколько это равновесие было подточено изнутри, мы пока выяснять не будем. Первым было вторжение германцев, вторым – мусульман. Земли, еще недавно бывшие западной частью Римской империи, управляемые ею, обладавшие общими социальными институтами и менталитетом, оказались мало-помалу заселенными германцами, к которым затем присоединились и небольшие группы более или менее ассимилированных кельтов с островов. Северную Африку ждали другие судьбы. Возвращение воинственных берберов готовило ее отторжение. Она подпала под ислам. Арабы победили и на берегах Леванта. Восточная же часть Империи, размещавшаяся на Балканах и в Анатолии, стала греческой. С этой поры из-за трудных путей сообщения, своеобразной социально-политической структуры, иного по сравнению с латинянами религиозного настроения и церковной организации восточ-

ные христиане будут все больше и больше отдаляться от западных. Но Запад распространит свое влияние на восточную часть континента, воздействуя на славян, передавая им вместе с католицизмом и свой образ мыслей и даже свои учреждения, хотя большая часть славянских народов последует по своему, совершенно оригинальному пути.

Но и сам романо-германский мир, граничащий с мусульманами, византийцами и славянами, подвергающийся с начала X века непрерывным нападениям и вынужденный то и дело менять свои неустойчивые границы, был далеко не однороден. На составляющие его части влияли заложенные в прошлом контрасты и противоречия, еще слишком ощутимые, чтобы не сказываться в настоящем. Исток был один, но развитие пошло по разным руслам. И все-таки, несмотря на явственные расхождения, невозможно не увидеть поверх них культурную общность: общность Запада. Поэтому, когда в дальнейшем мы будем говорить не Западная и Центральная Европа, а просто Европа, то это будет не только для того, чтобы облегчить читателю чтение, избавив его от громоздких эпитетов. Названия и границы, по сути, мало что определяют в искусственной и устаревшей географии «пяти частей света», главным является население этой территории. Так вот, европейская культура, которая распространилась потом по всему земному шару, зародилась и расцвела среди людей, живших между Тирренским морем, Адриатикой, Эльбой и океаном. Испанский хронист VIII века смутно чувствовал это и именовал «европейцами» франков Карла Мартелла, победивших мусульман. Две сотни лет спустя саксонский монах Видукинд восхвалял Оттона Великого, победившего венгров, как освободителя «Европы» (4). Так что понятие Европа, богатое историческим смыслом, было создано Высоким Средневековьем. Она существовала уже тогда, когда для нее только начиналась эпоха феодализма.

* * *

Называя определенный период европейской истории феодализмом, ученые трактовали само это понятие противоречиво, но необходимость в этом термине свидетельствует о безусловно ощущаемой специфике того периода, к которому его относят. Поэтому книга о феодальном обществе может считаться попыткой разрешить проблему, вынесенную в ее заглавие: благодаря каким особенностям этот фрагмент прошлого выделен из своего окружения? Иными словами, эта книга представляет собой попытку анализа и объяснения некой социальной структуры и ее связей. Если метод себя оправдает, им можно будет воспользоваться при изучении других периодов, других регионов. Неизбежные в любом исследовании ошибки, надеюсь, испулит новизна подхода.

Большой объем предпринятого исследования вынуждает представить достигнутые результаты поэтапно, хотя всегда трудно резать по живому. Первый том (в данном издании оба тома соединены в один) посвящен общей характеристике социальной среды и формированию разных типов социальной зависимости людей друг от друга, создающей специфику феодальной структуры. Второй посвящен возникновению классов и формированию институтов управления. Заметим, что характерные для феодального строя черты начали стираться именно в тот период, когда границы старых классов определились окончательно и вместе с тем определилась специфика нового класса – буржуазии, когда государственная власть наконец начала набирать силу. Представленные читателю два тома невозможно точно поделить хронологически, но первый – это период формирования феодализма, второй – его завершение и начало нового периода.

Историк – человек подневольный. Он знает о прошлом только то, что прошлое согласно ему доверять. Но если материал так обилен, что его невозможно обработать одному человеку, то ученый зависит от своих коллег и общего состояния исследовательской работы. Однако можно ли допустить, чтобы в исследовании история уступила место историку? Думаю, что нет. Поэтому в этой книге не найдется места ученой полемике, благодаря которой ученые демонстрируют свою эрудицию. Зато я не буду скрывать пробелов и неточностей в наших познаниях, каковы бы ни были их причины. Я не думаю, что это отпугнет от меня читателей. Если нашу подвижную, изменчивую науку представить искусственно окостенелой, то что возникнет кроме холода и скуки? Великий Мэтланд, английский историк права, ученый, который продви-

Введение

нулся дальше всех в изучении средневековых обществ, говорил, что историческая книга должна пробуждать жажду. Жажду познаний и поисков. Автору этой книги очень хотелось бы, чтобы кто-нибудь из его читателей стал жаждущим (5).

Т о м I

**ФОРМИРОВАНИЕ
ОТНОШЕНИЙ ЗАВИСИМОСТИ**

Часть I

СРЕДА

Книга первая

ПОСЛЕДНИЕ НАШЕСТВИЯ

Глава I. МУСУЛЬМАНЕ И ВЕНГРЫ

1. Осажденная Европа и завоеванная

«Днесь вы видите гнев Господень... Запустели города, монастыри сожжены или лежат в руинах, поля зарастают травой... Сильный повсюду теснит слабого, люди уподобились морским гадам и жадно пожирают друг друга». Так говорили в 909 году епископы реймской провинции, собравшиеся в Трозли. Литература IX–X веков, грамоты, решения церковных соборов изобилуют подобными картинками. Сделаем скидку на присущий религиозным проповедникам пессимизм и ораторский пафос. И все же в этих постоянно звучащих жалобах, которые, впрочем, были подкреплены множеством фактов, имеет смысл видеть нечто большее, чем общее место. Грамотные люди, люди, способные видеть и сравнивать, остро чувствовали гнетущую атмосферу насилия и беспорядка. Феодализм средних веков рождался в тяжелые и смутные времена. Смуты отчасти его и порождали. А отчасти сами смуты были порождены причинами, не имеющими ничего общего с внутренней эволюцией европейских обществ. Новая западная цивилизация, складывавшаяся два века назад в бурную пору германских нашествий, представляла собой в эту пору осаждаемую, а точнее, уже наполовину завоеванную крепость. Осаждали ее разом с трех сторон: на юге – арабы или подчинившиеся им народы, приверженные исламу, на востоке – венгры, на севере – скандинавы.

2. Мусульмане

Наименее опасными из перечисленных выше врагов были мусульмане. Но не стоит спешить и объяснять их пассивность слабостью. Ско-